

В серии «Другие Миры»

вышли книги:

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда
Корпорация
«Исполнение желаний»

Ирина Котова
Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
Испытание ведьмой
Академия Зла.
Быть ведьмой

**Нина Бархат,
Марина Багирова**
Присвоенная

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора

Вероника Ягушинская
Любовь по-драконьи

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения

Кира Стрельникова
Своеобразный подарок
Бездушная

Дарья Кузнецова
Модус вивенди

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след
Обжигающий след.
Потерянные

Екатерина Богданова
Академия времени

Марина Александрова
Соль.
Судьба первородной

Марина Суржевская
Ветер Севера. Риверстейн

Ольга Миклашевская
Это все магия!

Алина Лис
Маг и его кошка

Лариса Петровичева
Лига дождя

Александра Черчень
Господин моих кошмаров

Евгения Сафонова
Лунный ветер

Евгения Сафонова

ЛУННЫЙ ВЕТЕР

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Вероники Акулич

Сафонова, Е.
С12 Лунный ветер : роман / Евгения Сафонова —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. —
(Другие Миры).

ISBN 978-5-17-105433-5

Наверное, любая девушка будет счастлива стать женой молодого, красивого и богатого лорда. Но не я. И я уже готова была согласиться на предложение руки и сердца от нелюбимого человека, когда в моей жизни появился он: тот, к кому меня влечет, словно бабочку на огонь, тот, кто скрывает множество темных опасных тайн. Тот, кому принадлежит мое сердце, но кому никогда не отдадут мою руку. Тот, кто является ко мне во снах, глядя на меня разноцветными глазами волка...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105433-5

© Е. Сафонова, 2018
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2018

Авторские сердечные благодарности:

Семье, с пониманием относившейся к моему самозабвенному увлечению «мистером Запретным».

Госпоже Лисичке, ждавшей повести о нём четыре года. Нашей прекрасной Банде и чудесной Ирине Котовой — за всё хорошее.

Тигробелочкам, подарившим мне идею о сэре Энтони.

Алисе Дорн за наши чаепития, без которых мне было бы трудно дописать финал, Маше Покусаевой за поддержку, дружбу и волшебство, Евгении Вязниковой за бережную редактуру, Наташе Ерофеевой за терпение и возможность поставить книгу на полку.

Всем читателям, поддерживавшим меня в процессе написания.

А также всем читателям, которые поймут и не осудят моих книжных деток и будут помнить о том, что историческая достоверность — наше всё.

Однако между реальной Англией и её сказочной альтернативой просто обязана наличествовать разница во многих существенных мелочах.

С глубочайшим уважением к Шарлотте Бронте и её творению, светлой памяти несостоявшегося разноглазого рыцаря и менажера, столь же дерзкого, сколь и прекрасного.

...От мысленного волка звероуловлен буду...

Иоанн Златоуст

Глава первая,

в которой мы знакомимся с корсаром

— Сегодня к нам на ужин пожалует мистер Форбиден, — как бы невзначай бросил отец, когда подали десерт. — Я счёл, что настала пора наконец познакомиться с новым соседом.

Матушка холодно изогнула бровь:

— Фрэнк, кажется, я уже высказывала тебе своё мнение на этот счёт.

— Дорогая, мы будем ничем не лучше него, если начнём пренебрегать правилами приличия.

— Нувориш в Хепберн-парке! Бедная леди Энн! Продать имение этому... этому...

— Матушка, это правда, что мистер Форбиден — корсар? — подала голос Бланш, прежде чем с бесконечным изяществом отправить в рот кусочек пудинга.

— Он контрабандист, душечка. Не путай. Контрабандисты, в отличие от корсаров, грабят честных людей на суше.

— Нэнси говорила, он привёз в Хепберн-парк сотню сундуков, полных золота и драгоценностей!

— Вполне возможно, что она недалеко от истины, — заметил отец.

— Не забывай голову рассказами Нэнси, душечка. Она что только не говорит. А даже если так, это не изменит моего отношения к нему. Боги, мне страшно подумать, что такой человек осквернит наш дом своим присутствием!

— Ничего, — проворчал отец, — думаю, грядущий день и прибытие твоего дражайшего лорда Чейнза его очистят.

Матушка кинула на него испепеляющий взгляд — и папа, вздохнув, поправил салфетку на коленях, прежде чем покоситься на меня.

— Ребекка, — произнёс он ласково и немного встревоженно, — ты ни кусочка не съела.

— Я не голодна.

— Она нервничает, папенька, — прощebetала Бланш. — Ребекка, почему ты так нервничаешь? Джон тоже приезжает завтра, но это ведь не мешает мне спать по ночам!

— Бессонница? — глаза отца сделались ещё более встревоженными. — Ребекка, что тебя беспокоит?

Я пожалала плечами.

— Эти твои страшные сказки, — решил отец. — Сколько я тебе говорил: поменьше читай на ночь!

— Жизнь — самая страшная сказка из всех возможных.

— Что за глупости!

Я стиснула сложенные на коленях ладони в кулаки.

Идти до конца? Впрочем, какая уже разница.

— В сказках герои обычно живут долго и счастливо, — тихо проговорила я. — После свадьбы... по любви.

Тишина, повисшая в столовой, с тихим перезвоном всколыхнула хрустальные подвески люстры.

— Ребекка, — ровно произнесла матушка, — мне казалось, мы пришли к согласию по этому вопросу.

— Да. Согласие выбивали из меня долго и слёзно.

— Ребекка, Том — блестящая партия. Мы и мечтать не могли...

— Матушка, почему я должна расплачиваться за ваше тщеславие? — сила собственного голоса поразила даже меня, но отступить было поздно. — Мы не бедствуем,

и Бланш в надёжных руках. Разве титул стоит моей порушенной жизни?

Матушка аккуратно положила вилку и нож: с разных сторон тарелки, идеально симметрично.

— Я надеялась, мне не придётся этого говорить, но раз ты вынуждаешь... — Взгляд цвета озёрного льда устремился на моё лицо. — Ребекка, меня всегда приводили в отчаяние мысли, что мою старшую дочь боги жестоко обделили своими милостями. Внешность? Весьма на любителя, если быть откровенной. Вышивание или рисование? Помилуйте, эти руки только с виду тонки: это руки свинопаса, не благородной леди. Музицирование? Ни голоса, ни слуха. Танцы? При бесспорной грации движений — никакого желания. Добрый нрав? Упрямство норовистой кобылы — при столь остром уме, что впрямую порезаться. Да, ты говоришь на двух языках, не считая родного, и все вечера просиживаешь за книгами, но кому это нужно? А в довершение всего — никакого стремления исправлять свои недостатки.

— Маргарет...

— Фрэнк, дай мне высказаться. Да, Ребекка, все эти годы меня утешала лишь мысль, что всё недоданное тебе досталось Бланш. — Сестра на этих словах покраснела: как всегда, удивительно мило. — Однако это не отменяло горечи осознания, что моя старшая дочь, скорее всего, останется доживать свой век старой девой. И тут — не просто шанс, а...

— Бланш оправдала ваши надежды. Я счастлива, что моя сестра обретёт достойного, любящего и любимого супруга, — только бы голос не дрогнул. — Но я так и не услышала ответа на свой вопрос.

— Это и был ответ. — Женщина, родившая меня на свет, надменно вскинула подбородок. — Боги подарили нам сказочный шанс, которого тебе больше не представится. И я не допущу, чтобы ты отвергла предложение Тома, до конца своих дней повиснув на нашей шее мёртвым грузом, вызывая насмешки над собой... и надо мной.

— Маргарет!

Грозный окрик отца я расслышала словно сквозь подушку: буря эмоций, поднявшаяся в душе, странным образом помутила мой слух.

— Ваша точка зрения мне ясна. — Я встала, опершись ладонью на стол. Почему она дрожит? От гнева? И неужели

этот тонкий голосок принадлежит мне? — Благодарю, миссис Лочестер.

— Ребекка...

Но я уже выскочила из столовой, не желая слушать, и крики матери и отца летели в спину, пока я бежала к парадной двери: до неё было ближе.

Нет, не остановлюсь. Не дождутся.

По высоким каменным ступеням спустившись с террасы особняка, мимо яблоневого аллея, сыпавшей снег лепестков на садовые дорожки, я устремилась на задний двор. Пробежав мимо крольчатника, вошла в конюшню. Ветер, переминавшийся в деннике, встретил меня тихим радостным ржанием. Погладив коня по мягкой морде, я обратилась к подоспевшему конюху:

— Оседлай его, Элиот.

Старик изумлённо оглядел меня с головы до пят.

— Но, мисс...

— Элиот, скорее, — не объяснять же, что переодеваться в амазонку времени нет. — Прощу.

Старик похраптел, но покорно полез за седлом.

Когда мы с Ветром рысью выехали с заднего двора, матушка стояла на крыльце, высматривая меня в саду. Увидев вздорную дочь, она подобрала было юбку, дёрнулась вперёд, но, вспомнив о чувстве собственного достоинства, застыла на месте, скрестив руки на груди.

— Ребекка Лочестер, — отчеканила она, — я приказываю тебе...

— Я вам не служанка, матушка, — бросила я, прежде чем сорвать коня в галоп.

Лицо матери, искажившееся от изумления, на миг выделилось из круговерти размывшихся окрестностей. Потом его сменила яблоневая аллея, а её — гладь пруда; и когда копыта Ветра прозвенели по каменному коромыслу моста через реку, садовая зелень уступила место вересковым полям.

Бешеная скачка вернула ясность мыслям. В конце концов, что нового для себя я открыла? Что для матери я нелюбимый ребёнок? Это было ясно и так: за все восемнадцать лет своей жизни я не услышала от неё ни единого ласкового слова. «Душечка», «радость», «лилея моя» — всё это предназначалось Бланш, для меня оставалось лишь формальное «Ребекка».

То, что покатые плечи, льняные локоны вкупе с синей омутностью очей и многочисленные таланты нашей благородной матушки достались моей сестре, тоже откровением не являлось. Меня одарили угловатостью всех мест, которые могут быть угловатыми, неуправляемой копной каштановых волн и серой бесцветностью глаз; я когда-то смела считать их цвет проходящим на грозовое небо, но матушка поспешила меня в этом разубедить. Каким-то невероятным образом все достойные и недостойные черты наших благородных родителей перемешались, и последние поспешили воплотиться во мне, тогда как первые заботливо подождали рождения моей сестры. Да, я училась куда лучше Бланш, прекрасно разбиралась в цифрах, а на коне сидела, по выражению отца, «будто родилась в седле», но... для матери эти таланты явно не являлись главенствующими.

То, что Бланш примет предложение Джона Лестера, я могла предположить задолго до этого счастливого события, свершившегося зимой. Пускай я не находила ровным счётом ничего привлекательного в этом елейном щёголе, но и предложение делали не мне. Конечно, матушку не радовало, что Бланш обручилась прежде старшей сестры, но отец не стал отказывать хорошему жениху лишь потому, что младшая дочь должна «ждать своей очереди». И завтра елейный щёголь прибудет сюда, в Грейфилд, на празднование дня рождения своей невесты; а по такому случаю лорд Дарнелл Чейнз, наш сосед, тоже решил удостоить наше скромное жилище своим присутствием. Вместе с Томом, его единственным сыном и моим дорогим другом.

Учитывая, что лорд Чейнз в последнее время вёл оживлённую переписку с моим отцом, даже слуги знали, что завтра Том попросит моей руки.

Я вынырнула из холодного течения собственных мыслей уже у самой кромки леса. Осадив Ветра, спрыгнула наземь. Уткнувшись лбом в буланую шкуру коня, зарыла пальцы в вороную гриву, постояв так недолго. Скулы, которые отхлестал встречный ветер, горели; шпильки, выбившиеся из причёски, тянули волосы. Я досадливо вытащила некоторые из них, а затем, подумав, избавилась от всех. Зашвырнула шпильки подальше, потряхнула волосами, наконец свободными, — и села на мягкий вереск, обняв руками колени.

Некоторое время я смотрела на поля перед собой. Потом откинулась назад, прикрыв ладонью глаза, защищая их от колючего солнца, чтобы взглянуть в хрустальный купол голубого неба надо мной. Растирая в пальцах вересковые цветы, позволила себе на минуту сомкнуть веки.

Том, Том... зачем я тебе? Кому из нас станет лучше от этого брака? Принесёт ли тебе счастье покорная, но не любящая жена?

И будет ли она покорной...

Когда я открыла глаза, то не сразу поняла, почему небо не голубое, а розовое.

Когда же поняла — вскочила и, судорожно отряхнув платье, окликнула Ветра, терпеливо пасущегося неподалёку.

Заснула! Да так, что уже смеркается! Неужели пропустила ужин? Дома, наверное, с ума сходят...

Мост, отделявший поле от сада, Ветер преодолел без единого звука: он летел так быстро, что копыта его едва касались земли, так, как умел он один. Я гнала коня с одной мыслью — успеть, пока градус родительского гнева не достиг точки кипения.

Но, как выяснилось, уже можно было не спешить.

Поручив Ветра заботам Элиота, поджидавшего у крыльца, я медленно поднялась наверх, на террасу: там ждали отец, с облегчением отиравший лицо платком, матушка, сжавшая губы в тончайшую линию, и некто в чёрных одеждах.

— А, вот и блудная дочь, — ледяным тоном проговорила матушка, когда я всё-таки преодолела каменные ступени.

Я ответила ей взглядом, в котором не было ни капли раскаяния.

— Знакомьтесь, мистер Форбиден, — вздохнул отец. — Наша старшая дочь, мисс Ребекка Лочестер.

— Мисс Лочестер, — повторил стоявший между моими родителями незнакомец, прежде чем оглядеть меня с головы до ног.

Я знала, что он видит. Растрёпанную каштановую гриву, тонкие руки без перчаток, большеротое личико с пылающими скулами и платье в веточках вереска. Посмешище, пародию на благородную леди.

Но это зрелище отчего-то заставило его улыбнуться.

— Гэбриэл Форбиден, — наконец представился мужчи-
на. — Безмерно рад знакомству.

Я молчала, на миг забыв о необходимости ответа.

Его одежды казались отрезом ночного мрака, опере-
дившего время и просочившегося в закат. Новый владелец
Хепберн-парка казался моложе моего отца, на вид я дала
бы ему от тридцати пяти до сорока. Умиряющее солнце
окрашивало багрянцем его светлые, почти белые волосы,
прихваченные чёрной лентой в низкий хвост. Черты гладко
выбритого лица мужественно-изящны, тонкие губы улыба-
ются какой-то порочной улыбкой, в руке, облитой чёрной
перчаткой, — конский хлыст... Но об ответе меня в первую
очередь заставили забыть глаза «корсара». Правый, сере-
бристо-голубой, с узкой чёрной точкой в центре, и левый —
карий с зеленоватым отливом, с широким кругом по-коша-
чьи расширенного зрачка.

Глаза притягивали взор. И не только своей природной
поражительностью, но и взглядом: он был уверенным — без
гордыни, изучающим — без пытливости, ироничным — без
пренебрежения, умным — без кричащего желания выка-
зать собственные знания. Обладатель такого взгляда явно
знал себе цену, но предпочитал не проявлять свои таланты
без особой на то надобности, крайне редко отпирая замки
собственной души.

А ещё он был... опасным.

И несколько хищным.

— Очень рада, — всё-таки промолвила я, присев в ре-
верансе.

— Должен сказать, ваши родители были столь обеспо-
коены вашим отсутствием, что даже не решились сесть за
стол... хотя ваша сестра неоднократно и недвусмысленно
намекала на то, что она голодна.

Голос его был спокойным, звучным и певучим. Он ска-
зал не более того, что сказал, однако я откуда-то поняла:
он, познакомившийся с обитателями Грейфилда всего пару
часов назад, знает всё про матушкины приоритеты.

— Сожалею, что доставила вам столько неудобств, —
обращаясь к нему одному, ответила я.

— Извинения — слишком зыбкая материя, чтобы при-
нимать их в качестве платы за неудобства.

Эти слова заставили меня на миг оторопеть.

— Я... не люблю ходить в должниках, мистер Форбиден.

— Тогда в ваших интересах быть со мной повнимательнее. Возможность вернуть долг может представиться в любой момент, самый неожиданный для вас. — Новый знакомый согнулся в поклоне и, ловко перехватив мою руку, коснулся её сухими губами. — Что ж, не осмелюсь мешать воспитательному моменту, который, несомненно, сейчас последует. — Выпрямившись, он сощурил разноцветные глаза, устремив взгляд куда-то за моё плечо. — Но неужели помимо блудной дочери у вас есть блудный сын?

Я обернулась. Рассекая закатные лучи, каурый жеребец нёс к Грейфилду всадника — и эти тёмные кудри, плещущиеся по ветру, я узнала даже с такого расстояния.

Сегодня? Почему?..

— Том! — ахнула матушка.

Отец торопливо и капельку озадаченно поправил бакенбарды, и родители поспешили спуститься вниз. Я последовала за ними, недоумевая, отчего друг решил нанести визит раньше срока, одновременно радуясь этому приезду — и досадуя при воспоминаниях о том, чем он должен завершиться.

— Томас! — улыбнулся отец, стоило всаднику спешить. — Очень, очень рад.

Тепло улыбаясь в ответ, Том пожал протянутую ему руку; глаза его сияли бэльтайнской¹ зеленью.

Мы не виделись меньше месяца, но за это время, казалось, он успел повзрослеть и больше не выглядел в свои двадцать сущим мальчишкой. А ещё капельку осунулся; впрочем, это его только красило.

— Мистер Лочестер! Прошу прощения за неожиданный визит, но я решил, что не слишком обременю вас этим сюрпризом. Не терпелось вас повидать... к тому же есть одно дело, которое мне хотелось бы уладить до приезда отца.

Моё сердце провалилось, словно на качелях, но Том уже повернулся в мою сторону.

— Ребекка! — казалось, он не подошёл ко мне, а подлетел. — Боги, как ты похорошела!

Иногда мне жаль, что мы не фрэнчане². В их языке так легко отличить церемонное «vous»³ от тёплого и простого

¹ Кельтский праздник, отмечаемый в ночь на первое мая.

² От англ. the French [зэ фрэнч] — французы.

³ Вы (фр).

«*tu*»¹. Но интонация Тома заставила меня подозревать: если бы он обратился ко мне на фрэнчском², это было бы «*vous*» — церемонное до тошнотворности, на которое он сбивается всё последнее время. С тех самых пор, как для него наша нежная детская дружба переросла в нечто большее.

Увы, только для него.

— Позволишь мне руку?..

— Том, ты всегда из Ландэна³ возвращаешься сам не свой, — устало ответила я, даже не думая жаловать ему ладонь для желанного им поцелуя. — К чему эти церемонии? Ты знаешь, как я не люблю подобное.

— Том ведёт себя как истинный джентльмен, — заулыбалась матушка. — Кому-то неплохо было бы взять с него пример и не забывать о хороших манерах.

— Полагаю, матушка, вести себя по-джентльменски мне будет трудно, — заметила я хладнокровно и зло. — Не могу сказать, что горю желанием погибнуть в цвете лет на дуэли, отстаивая чью-либо честь, а с характером... как вы изволили выразиться... «норовистой кобылы» избежать дуэлей будет нелегко.

В ответ меня смерили почти угрожающим взглядом, но в этот миг за моей спиной зазвенел незнакомый, приятный, хорошо поставленный смех: наш гость явно оценил шутку.

— А, знакомься, Том, — проговорил отец, усиленно пряча улыбку в уголках губ. — Мистер Гэбриэл Форбиден, новый владелец Хепберн-парка. Мистер Форбиден — лорд Томас Чейнз.

Рукопожатие было коротким и безмолвным. Том, словно следуя моему примеру, изумлённо вглядывался в глаза нового знакомого; ответный взгляд был с прищуром — ещё ироничнее прежнего.

— Значит, это вы купили поместье, — наконец проговорил Том. — Как там леди Хепберн?

— Полагаю, наша сделка поможет ей не только погасить долги почившего супруга, но и безбедно прожить остаток дней. Правда, при всех моих наилучших ей пожеланиях, боюсь, что остаток этот будет весьма немногочисленным, — мистер Форбиден улыбнулся. — Ну-ну, не смотрите на меня так, милорд Томас. Я лишь констатирую очевидный факт.

¹ Ты (*фр*).

² От англ. French [фрэнч] — французский язык.

³ От англ. London [ландэн] — Лондон.

И моё предложение касательно Хепберн-парка было более чем щедрым: мне нет нужды грабить бедных старушек.

— Я... не...

— Что ж, полагаю, теперь я точно здесь лишний, — заключил «корсар». — Позвольте откланяться.

— Уже? Оставайтесь на долгожданный ужин, мистер Форбиден!

— Не думайте, что я проявлю великодушие и не поймаю вас на слове, но как-нибудь в другой раз, мистер Лочестер.

Отец, добродушно вздохнув, подал знак Элиоту, ждавшему неподалёку, — и старик, уже позаботившийся о коне Тома, вновь зашаркал к конюшне.

— Не хочу утруждать вас своими проводами. — Мистер Форбиден небрежно махнул хлыстом в сторону дверей в дом. — Мисс Лочестер, должно быть, проголодалась побольше нашего.

Обитатели Грейфилда, охотно послушавшись, поспешили распрощаться с тревожным гостем. Подав руку матушке, Том повёл её наверх, отец последовал за ними, но я не двинулась с места.

— Что, мисс Лочестер? — лениво поинтересовался мистер Форбиден.

— Полагаю, это не ваш дом, чтобы вы распоряжались, когда и куда мне идти, — холодно заметила я, открыто глядя в его глаза.

— Безмерно рад вашей проницательности, — серьёзно отозвался мужчина. — Однако, полагаю, на этот вечер вашей матушке хватит переживаний по поводу вашего непокорства. Пускай этот милый молодой человек и отвёл грозу от вашей очаровательной головки, но я бы на вашем месте поторопился.

— Ребекка? — будто услышав, требовательно спросила моя почтенная родительница.

Я вздохнула. Взглянула на здорового вороного жеребца, которого Элиот не без труда выводил из-за угла.

Отвернулась, чтобы бросить через плечо:

— До свидания, мистер Форбиден.

— До свидания, мисс Лочестер. Скорого, надеюсь, — в его голосе мне послышалась усмешка. — И не забывайте, что вы моя должница.

Мысок моей туфли на миг завис в воздухе, но я не обернулась.

Глава вторая,

в которой Ребекка видит кошмары во сне и наяву

Ужин проходил в молчании на женской половине стола и в оживлённом разговоре — на мужской.

— И как тебе новый сосед, Том? — в один момент осведомился отец.

— Он ужасен! — выпалила Бланш. — В нём есть что-то... злое.

— А его конь? Вы видели его коня? — включилась в разговор матушка. — Чудовище для чудовища!

— Бросьте, дамы! Мне лично мистер Форбиден показался очень интересным собеседником. Хоть и несколько эксцентричным, конечно.

— Но нечто недоброе в нём всё-таки есть, — высказался Том. — И его глаза...

— Да-да! А ведь глаза — зеркало души, — не преминула вставить матушка.

— В таком случае я — образец серой бесхарактерной личности, зато в тихих омутах Бланш обязаны водиться келпи¹, — сказала я вполголоса, ни к кому особенно не обращаясь. — Но, видимо, им до того нравится купаться, что за все эти годы они так ни разу и не вынырнули.

Том рассмеялся, отец хмыкнул, Бланш лишь хлопнула ресницами, но взгляд матери окатил меня ледяной волной. Впрочем, тут отец завёл разговор о возможной дальнейшей судьбе леди Хепберн, матушка охотно в него включилась, и посему буря снова обошла меня стороной.

Когда перешли в гостиную пить чай, Том, решительно поглядев в глаза матушки, внезапно попросил её выйти «куда-нибудь в уединение». Та тут же поднялась с кресла — с притворным удивлением на лице, — чтобы молча повести дорогого гостя в библиотеку. Стоило им скрыться за закрытыми дверями, как в гостиной повисла тишина; отец с излишней беззаботностью набивал трубку, Бланш с лучезарной улыбкой смаковала свой чай.

¹ В шотландской мифологии — водяные духи, обитающие в реках и озёрах, по большей части враждебные людям.